

* * *

Не надо чувству мыслящему слов,
Когда питает смыслом увлечённо
Небесный свет. Так сумерки цветов
В тягучий мёд преобразуют пчёлы.

Утомонись, мыслитель-вертопрах,
Меня код и время мироздания.
Твой дерзкий ум всего лишь куцый птах
В ладонях сокровенного сознания.

Чего ты ждёшь, вонзив свои глаза
В закатный свод, где громоздятся тучи?
Начертит строчку молнией гроза
И следом громом смысл её озвучит.

СМЕРТЬ ПАСТУХА

Было так тихо, что даже село
замерло жизнью суровой –
медленно, медленно стадо брело
следом за чёрной коровой.

Зашелестел будоражащий слух
сквозь воздыханья и слёзы:
не устоял... Задавился пастух
в согре на старой берёзе...

И говорили о странной судьбе...
Помню: три ночи оконце
зябко светилось в пастушьей избе
светом закатного солнца.

После бесцельно слонялся, и дня
не было, чтобы невольно
не приводили дороги меня
в согру к берёзе окольной.

Там с удивленьем в себя приходил,
слушал, как кто-то в осоке
ласковой речью мне сердце щемил,
о неземном и высоком.

В странной судьбы роковое кольцо
робко ступал за ответом.
И узнавал я сквозь ужас лицо
в сумрачной зелени веток.

В СУМЕРКАХ СЛОВА

Сойдёт на нет заката алый всполох,
пролётся в сумрак тихий свет берёз.
И затомит ночной небесный полог,
пристёгнутый на пуговицы звёзд.

Сквозь тишину предчувствий и мерцанья
вдруг просквозит, прозрение тая,
из глубины неведомого знанья
сердечный смысл простого бытия.

И каждый миг, как времени иного,
несёт в себе осмысленный ответ.
Для прихожан молитвенного слова
во всём живёт открытие и свет.

РОЖДЕСТВО В СОВХОЗНОМ КОРОВНИКЕ

Силосом пропахшие загоны,
залит пол цементный молоком.
Скотники за литр самогона
продали казённый комбикорм.

Зябкий сумрак низменного вкуса.
И бурёнки из своих оград
скорбными глазами Иисуса
на происходящее глядят.

И сквозит за влажной поволокой
бездна со вселенскою тоской,
где себя узнаешь одиноким
у сугробов горести людской...

Пьяный гул застольный замирает.
И горит в окне за слоем льда
то ль фонарь над крышею сарая,
то ли Вифлеемская звезда.

Завтра будут пасмурные лица,
комбикорм на сторону уйдёт...
Ничего для счастья не случится,
и дурного не произойдёт.

Не ропщи, мой ангел, не печалься.
Без волшбы обыденный наш труд,
где волхвы районному начальству
о надоях сводки поднесут.

ГЕНЕРАЛ

Он говорил: я – генерал!
Мол, мой портрет в музее.
А сам – окурки подбирал,
в лицо дышал портвейном.

Он говорил, что знает толк
в балете, медицине.
А сам – в затасканном пальто
и в сапогах-резине.

Мы с ним брели по мостовой,
он мне твердил побаски:
мол, ствол у пушки боевой
длиной до Красноярска.

«Зачем ты врешь! – ему кричу. –
К чему враньё такое?!»
А он в ответ: я рак лечу
морковною ботвою.

...Он умер осенью. Кусты –
в почётном карауле,
роняли скорбные листья
на тротуары улиц.

Я сапоги его забрал,
стучусь в чужие двери.
Всем говорю: я – генерал!
Смеются, но не верят...

АНГЕЛ ТРУДА

Своего я отыскивал бога
вечерами за Лысой горой.
Уводила в туманы дорога,
будоража неясной тоской.

Мне мерещились вещие знаки,
чей-то голос спускался с высот.
Я за голосом крался во мраке
и записывал речи в блокнот.

Но однажды, когда я в пределах
этих шлялся, растаял туман.
И две женщины – в чёрном и белом –
привели, указали на кран.

Он стоял у карьерной дробильни,
ни величья, ни Бога следа.
И я понял: его не любили
ни хозяин, ни ангел труда.

Рычаги его к сердцу приблизил.
Но, инструкциям всем вопреки,
пел зелёною дудкою дизель,
откликались в стреле огоньки.

И свистел производственный ветер,
вторя лязгу тросов и колёс.
– Есть здесь промысел горнего света?
Не ответил никто на вопрос...

* * *

Приболела старушка: одышка,
ломит грудь. Видно, срок помирать.
И, пока не окликнул Всевышний,
коровёнку решила продать.

На рога нацепила верёвку,
и на рынок с утра побрели.
Через час примостились неловко
у железной ограды в пыли.

Простояли полдня – бесполезно!
Поубавился шум суеты.
Коровёнка меж прутьев железных
обглодала сирени кусты.

Наконец-то остановился
мужичок. Проявил интерес.
Не торгуясь, с ценой согласился
и уже за деньгами полез.

– Что ж, милоч, не спросил про корову?
Сколь даёт? И которым телком?..
– А зачем? – усмехнулся сурово. –
Не доить, чай, на мясо берём...

– Что ты! – вскрикнула, сердцем немая, –
Разве можно такую под нож?
Обняла коровёнку за шею –
Ты её у меня не возьмёшь!..

А корова как будто бы знала,
понимала душою немой,
вдруг рванулась из рук, побежала,
со всех ног побежала домой!..

Ничего вроде нету такого,
но пошёл с той поры пятый год:
коровёнка жива и здорова,
и старуха здоровой живёт...

СЕНО

Пахучее, словно минута
пролилась в январь из июля.
Озвучено зноем и смутой,
как пчёлами вечером улей.

До стайки шагаешь тропюю,
и видится жаркое поле!
Как будто несёшь над собою
навильник высокого полдня...

К охапке пахучего света
потянется робко телёнок.
А куры журчат, будто летом
в траве заблудились зелёной...

* * *

Тихо вздрогнуть от шорохов дня,
замерев у речного обрыва,
будто кто-то окликнул меня
из покоев, где зреет крапива.

Из каких он пристанищ возник,
отогретый дыханием зноя, –
не пристроенный памятью миг,
овладев неожиданно мною?

Видно, нам разминуться нельзя
над рекой, где задумчивы ивы.
Смотрят пристально чьи-то глаза
сквозь зелёное пламя крапивы,

сквозь меня без особых примет.
Только сердце тревожно так бьётся,
словно видит неведомый свет,
что при жизни узнать не придётся.